О.П.Лопутько

О ПРИРОДЕ УСТОЙЧИВЫХ ФОРМУЛ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Согласно представлениям, достаточно общепринятым в нашей филологической традиции, для средневековой русской письменности характерно функционирование некоторых относительно устойчивых в своем составе и обладающих семантической целостностью словесных комплексов, регулярно применяемых при описании тех или иных типовых ситуаций[1]. Этому явлению, изучение которого началось еще в середине прошлого века[2], посвящена обширная литература и давались различные терминологические определения[3]. В предлагаемой статье принят один из наименее, на наш взгляд, оценочных и достаточно общеупотребительных терминов — "устойчивая формула", или просто "формула".

Несмотря на длительную историю изучения этого элемента древнерусского текста, в его природе, механизмах формирования, наконец, месте и функциях устойчивых формул в литературном языке средневековья остается немало проблематичного.

Думается, одной из серьезных трудностей на пути исследователя здесь оказывается очевидная структурная и семантическая неоднородность того языкового материала, который объединяется в данном понятии[4].

В настоящей работе предпринята попытка освещения указанных вопросов с опорой на материал преимущественно одной из разновидностей устойчивых формул,— на наш взгляд, наиболее характерной для этого языкового феномена и вместе с тем частотной в составе древнерусских текстов. Это формулы с прозрачной "внутренней формой", обладающие для своего времени живой образностью, или, точнее, четкой соотнесенностью входящих в их состав лексических элементов с элементами ситуации, послужившей поводом для самого образования данной языковой единицы, типа **затворити врата (ворота)** — 'оказать сопротивление' (врагу), **цѣловати крьстъ** — 'клясться' и т.д.

Своеобразие семантической организации формул этого типа вполне отчетливо выступает уже при соотнесении структуры формулы и ее смыслового наполнения в том или ином конкретном тексте.

Покажем это на примере отрывка из Лаврентьевской летописи, почти целиком построенного из устойчивых формул интересующего

нас типа, в скобках соотнесем каждой из этих единиц ее смысловое содержание.

и **поиде Стославъ на Греки** ('начал войну'). и **изидоша противу** Руси ('оказали сопротивление')... и **реч Стославъ** оуже намъ **нѣкамо ся дѣти** ('мы) вынуждены'). **волею и неволею** ('неизбежно') **стати противу** ('противостоять'). да **не посрамимъ землѣ РускІѣ** ('поддержим честь Родины'). но **лажемъ костьми** ('приложим все силы') ту **мертвы** ("ляжемъ мертвы" — 'погибнем'). ибо **срама не имамъ** ('не будем опозорены') ... азъ же **предъ вами поиду** ('возглавлю' (наступление). аще моя **глава лажетъ** ('погибну') то промыслите собою...[5].

Уже приведенный материал вполне отчетливо обнаруживает, что формула служила в средневековой русской письменности не для номинации конкретных реалий — она возникала как ответ на социальные или психологические (в конечном счете — также социально обусловленные) запросы в регулировании, а для этого — обозначении разного рода политических, военных, юридических, этических и т.п. отношений. Таким образом, семантика формулы в высокой степени абстрактна, тогда как структуру ее образует зачастую сочетание слов с конкретным значением, непосредственно отображающее некоторую предметную ситуацию.

Конечно, ситуация не отпечатлевается в структуре этого сочетания полностью — она определенным образом препарирована и доведена в одних случаях до общей схемы, в других — до отдельного функционально важного элемента (**предъ (кем-л.) поити** — 'возглавить'), в третьих — до связанного с ней выразительного жеста, как, например, в одной из древнейших, видимо, формул **показати путь** — 'изгнать, выпроводить'[6] и т.д.

Однако отвлеченное значение формулы в целом всегда определенным способом **выводимо** из тех более конкретных значений, которые присущи составляющим ее словам. Ср.: положение князя перед войском, идущим в наступление, есть знак **руководства** этим наступлением с его стороны (очевидно, обусловленный старинными воинскими обрядами) — отсюда **предъ** (кем-л.) **поити** означает 'возглавить' (наступление); словосочетание **нѣкамо ся дѣти** буквально означает невозможность куда-либо скрыться, уйти из сложившейся ситуации, поэтому в общем отвлеченном значении формулы символизирует вынужденность; **волею и неволею** охватывает две противоположные и крайние в определенном аспекте возможности и потому в совокупности означает неизбежность и т.п.

Этот способ "выведения" значения целого знака из значений составляющих его элементов напоминает организацию иероглифа. Ср., например, описание египетских иероглифов: "Глагол **строить** передается знаком **стена** плюс **строитель**... Многие человеческие дей-

ствия передаются знаками-картинами, на которых изображены мужчина или женщина в характерной позе"[7].

Схематизм отображения ситуации в структуре формулы, как и иероглифа, есть результат обобщения ситуации, это, конечно же, не снимок, а абстракция, но абстракция особого рода.

Описание этого типа, или — в филогенезе — ступени, абстракции было дано Н.И.Жинкиным. Подобный способ обобщения, осуществляемый еще на уровне оперирования материальными объектами, определен Н.И.Жинкиным как "сенсорная абстракция"[8]. Исследователем был экспериментально выявлен "перевод" во внутренней речи языковых единиц на универсальный предметный код[9], в котором можно видеть продукт именно сенсорной абстракции: "...Можно сказать, что сенсорный континуум, подтвержденный опытом, имеет смысл, который образуется во внутренней речи, в речи для себя, как регистрирующий сенсорную фигуру динамики ситуации"[10].

Концепция Н.И.Жинкина имеет прочные корни в отечественной научной традиции. О "мышлении предметами внешнего мира" писал еще И.М.Сеченов[11]. Огромное значение явлениям обобщения начиная с элементарных сигналов внешнего мира придавал И.П.Павлов, один из видов обобщения на сенсорном уровне считавший "прообразом понятий, возникающим без слова[12].

Эти идеи получают все более полное подтверждение в современных нейрофизиологических исследованиях. Так, коллективом авторов под руководством Н.П.Бехтеревой отмечается выделение "нейродинамического эквивалента обобщенного семантического кода вербальных сигналов", характеристики которого не имеют связи с акустическими свойствами этих сигналов[13]. Один из ведущих нейрофизиологов В.Д.Глезер, характеризующий "зрение как предметное мышление", говорит о "сенсорно-семантической модели мира"[14].

Таким образом, предметный код внутренней речи, или — шире — человеческого мышления вообще, фиксируется и как нейтрофизиологическая реальность.

Однако весь приведенный выше материал свидетельствует и о том, что содержание устойчивой формулы отнюдь не исчерпывается продуктами сенсорной абстракции. Скорее формула выступает как языковой инструмент перехода от сенсорной к интеллектуальной абстракции, для которой характерно "извлечение из чувственно воспринимаемого объекта какого-то элемента или группы элементов и мысленное рассмотрение этих элементов"[15].

Указанный переход осуществляется в семантической организации формулы в два этапа.

Покажем это на примере устойчивой формулы **въсѣсти (въсѣдати) на конь (конѣ / комони)**. Обычно у нее фиксируется смысловая реализация 'выступить в сражение, пойти походом' (ср.: Словарь русского языка XI — XVII вв., М., 1980. Вып. 7.

С. 287), которая ярко выступает в летописных текстах. Однако в тех же летописях можно встретиться, и совсем не редко, с примерами актуализации в семантике этой формулы иных смысловых потенций. Так, в следующем известном фрагменте Лаврентьевской летописи смысл комплекса **всѣдати на конь** в соотнесении с сочетанием **ѣздити на немъ** определяется как 'использовать для верховой езды', 'ездить':

и приспѣ ѡсень. и помяну ѡлегъ конь свои. и бѣ же поставил кормити. и не вседати на нь. бѣ бо въпрашал волъхвовъ и кудесникъ ѡт чего ми ес смерть. и реч емѹ кудесник ѡдин кнѧже конь егже любиши и ѣздиши на нем. ѡт тог ти оумрети. ѡлегъ же приим въ оумѣ си рѣч. Николиже всядѹ на нь[16].

Ту же смысловую реализацию дают многие контексты Ипатьевской летописи, и т.д.

Однако, например, в речи Игоря к дружине в "Слове о полку Игореве" смысл данного словесного комплекса не определяется столь же однозначно:

"Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а **всядемъ**, братие, **на** свои бръзыя **комони**, да позримъ синего Дону"[17].

Здесь вполне возможно истолкование смысла синтагмы **всядемъ на комони** как в направлении первого из упомянутых выше — символически — терминологического, так и второго — общеупотребительного и более конкретного — значений. Разумеется, такое расчленение было бы лишь результатом аналитической деятельности современного лингвиста. Ясно, что для самого носителя древнерусского языка оба эти смысла слиты: Игорь не абстрагирует символ от ситуации — ситуация во всей ее конкретности для него между прочими ее сторонами еще и носитель символа выступления в поход.

Таким образом, в содержательной структуре формулы помимо ее общего, отвлеченного (сигнификативного) значения, определенным образом выводимого из значений лексических компонентов, отображающих компоненты исходной сенсорной модели, постоянно присутствует и другой содержательный план — более непосредственно отображающий сенсорную модель (денотативное значение). В рассматриваемом примере — это семантический компонент, обозначающий конкретный процесс, который составляет основу исходной ситуации Иными словами, переход от сенсорной к интеллектуальной абстракции осуществляется в содержательной структуре формулы путем сокращения множества признаков, охватываемых сенсорной фигурой динамики ситуации (совокупность индивидуальных представлений) сначала до денотативного содержания, представляющего собой социально закрепленное, типизированное представление той же ситуации, а затем до сигнификативного (понятийного), включающего в себя

лишь признаки, существенные для данного типового события с точки зрения языкового коллектива.

При этом то, какие именно признаки признаются существенными, определял, очевидно, ритуал, с которым была связана данная устойчивая формула.

Поскольку в одной и той же предметной ситуации, образующей единую сенсорную модель, могут быть выделены различные аспекты, существенные для нескольких различных ритуалов,— то и устойчивая формула, отображающая сенсорную фигуру динамики данной ситуации, может получать несколько сигнификативных значений.

Так, формула **въсѣсти на конь** в юридическом памятнике — в отличие от летописей и воинских повестей — реализует значение 'захватить (коня) в собственность', что может служить свидетельством со связи не только в воинским ритуалом, но и с весьма архаическим по всей видимости ритуалом утверждения прав собственности. Ср. в статье "Русской правды": **оже кто въсѧ деть на чюжь конь. Ӑ оже кто въсѧдеть на чюжь конь не прашавъ. то. г. гр҃вны**[18].

То, что "сформировать процесс интеллектуальной абстракции невозможно без участия сенсорной абстракции", было отмечено уже Н.И.Жинкиным[19]. Современные нейтрофизиологические представления позволяют конкретизировать и развивать это положение. Обобщая экспериментальные и теоретические разработки, касающиеся данного круга проблем, В.Д.Глезер резюмирует: "Таким образом, между механизмами описания пространственных и логических отношений существует не просто аналогия, и даже, можно предполагать, не только общий принцип их организации. По-видимому, если речь идет о левом полушарии, то это единый механизм, который можно охарактеризовать... термином "фрейм"[20]. Идея фреймов, развитая для понимания зрительных функций и зрительного конкретного мышления, справедлива и для мышления вообще. Ячейки сети фрейма могут быть заполнены любыми номинациями, и не только зрительными образами, но и обобщениями более высоких порядков. При этом фрейм, оставаясь по организации тем же, приобретает другой, качественно более высокий смысл. ...Итак, понимание (осмысливание) — вывод участка модели мира, осуществляемый путем разворачивания фрейма — заполнением его ячеек"[21].

Отличие древнерусского литературного языка от современного в рассматриваемом отношении — лишь в степени лингвистической обнаружимости, обнаженности перехода от сенсорного обобщения ситуации (отображенного в материальной структуре формулы — в то время как структура единиц современного языка его обычно не фиксирует) к ее интеллектуально-абстрагированному переосмыслению.

Обнаженность перехода от сенсорной к *интеллектуальной* абстракции в структурно-семантической организации устойчивой формулы была, по-видимому, необходимостью в процессе смены родово-

го уклада жизни более централизованной системой общественного устройства с сопровождающим этот процесс возникновением множества новых терминологических понятий высокой степени отвлеченности, требующих по возможности единообразного, унифицированного понимания и применения.

Формула с ее непосредственной направленностью на предметные коды мыслительной деятельности представляла собой наиболее естественный, можно сказать, экологичный, путь номинации новых реалий усложняющейся общественной жизни и психологии человека, предоставляющий возможность индивидуально-интимного осознания явления и одновременно "синхронизирующий" эти индивидуальные осознания относительно той или иной ритуальной ситуации и связанного с ней термина.

Таким образом, можно заключить, что благодаря активному формулообразованию на ранних этапах развития древнерусского литературного языка было достигнуто временное равновесие между индивидуально-изолирующим и общественно-унифицирующим языковыми механизмами. Это может служить еще одним основанием для характеристики русского литературного языка периода расцвета и господства формульной культуры, то есть до конца XIV в., когда начинается активный процесс разрушения формул[22], как языка принципиально иного типа по отношению к литературному языку нового времени, в котором индивидуальный языковой механизм безусловно подчинен общественному. В самом деле, как подчеркивается особенно в психолингвистической трактовке, "значение слова не сводится к понятию",— согласуясь с предшествующим опытом индивида, оно "охватывает все многообразие увязываемых со словом чувственных впечатлений, т.е. фактически происходит включение слова в многогранный "внутренний контекст", изначально являющийся перцептивно-когнитивно-аффективным, вербальным и невербальным[23]. Коллективная же память "регистрирует и хранит только <u>конечные продукты</u> процессов становления и функционирования знания как достояния человека". И лишь их отражает семантика единиц литературного языка нового времени. Поэтому передача характеристик индивидуального значения средствами современного литературного языка является "вторичной и неполной"[24]. Устойчивая же формула, как показано выше, сохраняет в своей содержательной структуре и исходные, а также промежуточные ступени этого процесса.

Отображением в содержательной структуре формулы сенсорной модели ситуации объяснима и такая характерная особенность устойчивой формулы, как широта и свобода варьирования ее внешней, материальной стороны. Конечно, фактически, по имеющимся данным литературной практики, та или иная формула может выступать преимущественно в одной-двух наиболее активных ее реализациях,— однако и в этом случае у нее всегда остается возможность быть

употребленной в таком виде, который со стороны языковой материи **не имеет ничего общего с** этими общепринятыми разновидностями. Данная черта — одно из убедительных свидетельств в пользу того, что конституент устойчивой формулы находится за пределами языка. Разнородный с собственно языковой точки зрения лексический материал группируется и оформляется в рече-языковое единство (ср. очень точный в этом отношении термин "формула-синтагма", предложенный В.В.Колесовым[25]) на основе и вокруг определенного психического единства. Таким образом, формула — не только синкретическая единица языка-речи, но и синкретическая же единица мысли-речи, явление не узко языковое, а психо-языковое.

И, думается, интуитивно нечто подобное всегда учитывалось при изучении устойчивой формулы. Действительно, современная практика и вся история исследования этого феномена показывает, что "вариантами" одной и той же формулы фактически признаются все словосочетания, независимо от конкретного лексического состава, объединенные общностью отображаемой предметной ситуации, а точнее — ее психической модели. Так, например, для М.Н.Сперанского, А.С.Орлова, Д.С.Лихачева, В.В.Колесова такие синтагмы, как **быстъ сѣча зла, брань зла, брань крѣпка, сѣча крѣпка, сѣча велика (велия), сѣча силна, сѣча силна и страшна, бои крѣпъкъ** и т.д. — варианты одной и той же формулы[26], несмотря на то, что часть из них не содержит в себе ни одного общего лексического элемента, кроме глагола — связки, не могущего, конечно, служить единственным показателем тождества.

Кратко сформулируем основные выводы проведенного рассмотрения.

Структурно-семантическая организация устойчивой формулы средневековой русской письменности ярко обнаруживает ее связь с процессами обобщения различных уровней. В содержательном плане этот элемент древнерусского текста может быть охарактеризован как языковой инструмент перехода от сенсорной абстракции к абстракции интеллектуальной.

Исходной базой для образования устойчивой формулы служила сенсорная фигура динамики некоторой типовой ситуации (результат сенсорного типа абстрагирования), обычно имевшей ритуальный характер. Опора отвлеченных значений, характерных для устойчивых формул, на отображаемые структурой формул сенсорные модели в языковом коллективе средневековья обеспечивала психологически "щадящий" способ подчинения индивидуальных смыслов, относящихся к различным сферам усложняющейся общественной жизни,— коллективно вырабатываемым в этих областях понятиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Сперанский М.Н. Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек. М. 1898; Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902 и мн. др.

[2] Обзор ранних исследований см.: Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллектристики XVI–XVII в. // Изв. Отделения рус. языка и словесности АН. 1908. Т. XIII. Кн. 4. СПб., 1909. С. 344–345.

[3] Обзор в основном современных работ и используемой в них терминологии см.: Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 136–147.

[4] См. об этом, напр.: Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей. Самарканд, 1969.

[5] ПСРЛ. Л., 1962. Т. I. С. 70.

[6] См. о ней подробнее: Ефимов А.И. О фразеологических контекстах слова "путь" // Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина. Каф. рус. языка. Вып. 2. М., 1948. Т. VI.

[7] Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972. С. 163.

[8] См.: Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978; Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

[9] См.: Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. N 6.

[10] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. С. 127.

[11] Сеченов И.М. О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Избр. произведения. М., 1953. С. 215 и след.

[12] См.: Кольцова М.М. Обобщение как функция мозга. Л., 1967. С. 12.

[13] Память в механизмах нормальных и патологических реакций. Л., 1976. С. 24.

[14] Глезер В.Д. Зрение и мышление. СПб., 1993. С. 3, 10–11 и др.

[15] Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция. С. 38.

[16] ПСРЛ. Л., 1962. Т. I. С. 38.

[17] Слово о полку Игореве (Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 10.

[18] Карский Е.Ф. Русская правда по древнейшему списку. Л., 1930. С. 34.

[19] Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция. С. 40.

[20] "Фрейм" — структура данных, представляющая какую-либо стереотипную ситуацию. Когда зрительная система сталкивается с новой ситуацией, она сравнивает ее со структурами, запасенными в памяти. При необходимости хранящийся в памяти фрейм приводится в соответствие с реальностью путем изменения или замены его деталей" (Глезер В.Д.: Указ. соч. С. 222).

[21] Глезер В.Д. Указ. соч. С. 357.

[22] См.: Колесов В.В. Указ. соч. С. 215 и др.

[23] Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принцип функционирования. Тверь, 1992. С. 64.

[24] Там же. С. 33.

[25] См.: Колесов В.В. Указ. соч. С. 137–138.

[26] См. указ. выше работы этих авторов, а также: Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л., 1985.